

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ПЕРВАЯ (БАЗОВАЯ) ВОЛНА РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА

В. И. Павлов

*докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь, просп. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Республика Беларусь,
vadim_pavlov@tut.by*

В статье обосновывается положение о том, что рецепция римского права, традиционно понимаемая как адаптация положений Свода Юстиниана в условиях средневековой западноевропейской культуры, имела также еще один самостоятельный путь. Он представлял собой проникновение положений классического римского права через источники византийского права в страны «Византийского содружества наций», прежде всего, в славянские государства. Анализируются особенности рецепции византийского права в право Великого княжества Литовского, в частности, в отдельные нормы Статутов Великого княжества Литовского. Отмечается, что изначальной особенностью византийского пути рецепции римского права в право Древней Руси, а затем посредством них и в право Великого княжества Литовского, является их христианско-правовая форма. Основным источником права, который был заимствован из Византии, являлся византийский Номоканон, получивший название Кормчей книги. Большинство правоотношений в сфере частного права в Великом княжестве Литовском, особенно в сфере брачно-семейного права, регулировалось реципированными византийскими нормами. В статье рассматриваются и некоторые другие правовые нормы Статута Великого княжества Литовского 1529 г., испытавшие влияние византийского права.

Ключевые слова: византийское право; Великое княжество Литовское; рецепция; источник права.

BYZANTINE LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA: THE FIRST (BASIC) WAVE OF RECEPTION OF ROMAN LAW

V. I. Pavlov

*doctoral student of the scientific and pedagogical faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, candidate of legal sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 6, Masherova Av., 220005, Minsk, Republic of Belarus,
vadim_pavlov@tut.by*

The article substantiates the situation that the reception of the Roman law, traditionally understood as the adaptation of the provisions of the Justinian Code in the conditions of medieval Western European culture, also had another independent path. He was the penetration of the provisions of classical Roman law through the sources of the Byzantine law to the countries of the «Byzantine Commonwealth of Nations», primarily in Slavic states. The features of the reception of the Byzantine law are analyzed into the right of the Grand Duchy of Lithuanian, in particular, in certain norms of the statutes of the Grand Duchy of Lithuania. It is noted that the initial feature of the Byzantine path of the reception of the Roman law to the right of ancient Russia, and then through them and the law of the Grand Duchy of Lithuanian, is their Christian-legal form. The main source of law that was borrowed from Byzantium was the Byzantine Nomocanon, called the feeding book. Most legal relations in the field of private law in the Grand Duch of Lithuanian, especially in the field of marriage-family law, was regulated by recycled by the Byzantine norms. The article discusses both other legal norms of the Statute of the Grand Duchy of Lithuanian 1529, who experienced the influence of Byzantine law.

Key words: Byzantine law; Grand Duchy of Lithuania; reception; source of law.

Вопрос о различных путях рецепции римского права в правовые системы государств Европы обсуждался уже в дореволюционной литературе. Уроженец белорусских земель, историк права, византинист Дмитрий Иванович Азаревич (1847–1912), рассматривая проблему византийского влияния на Русь, предложил различать рецепцию римских правовых институтов, осуществленную через канонические сборники церкви и рецепцию, которая имела место посредством западноевропейской

университетской традиции [1, с. IX–X]. В современной византистике также является общепринятой позиция о самостоятельном развитии византийского права и его влиянии на восточнославянские правовые системы. Наиболее последовательно эти позиции обосновала известный советский византист Елена Эммануиловна Липшиц (1901–1990).

В историко-правовой науке, таким образом, необходимо вести речь не об одном, а как минимум о двух путях рецепции римского права:

западном, или, итальянском пути рецепции, связанном с зарождающимся светским движением западноевропейской университетской традиции в XI в.;

византийском, или, южнославянском (сербско-болгарском) пути, связанном с рецепцией норм христианизированного римско-византийского права в составе светских источников византийского права и церковных книг. Южнославянским он именуется из-за того, что основные памятники византийского права были переведены кирилло-мефодиевской школой на славянский язык в Болгарии, и при болгарском, а также и сербском посредничестве попали на Русь. Оба пути рецепции возникают практически одновременно, однако отличаются локализацией (географией) своего протекания и способами, внутренней логикой самой рецепции. Не последнюю роль в различии этих двух путей рецепции римско-византийского права играет и конфессиональный фактор – роль латинского и восточного христианства соответственно.

Западный путь рецепции римского права стал основной линией формирования правовой традиции Западной Европы и формирования континентальной юридической догматики. На землях Северо-Восточной Руси он начинается только с XVIII в. и достигает своей кульминации во второй половине XIX в. во время проведения либеральных реформ в Российской империи, а также «экспорта» российскими учеными правовой доктрины из западноевропейских университетов, где они практически все проходили научные стажировки. На землях Западной Руси, в том числе на белорусских землях, итальянский путь рецепции начинается несколько ранее и находит свое отражение в законодательстве Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ). Уже с конца XIV в. посредством польского и немецкого законодательства начинается проникновение в право ВКЛ элементов римского права. Наибольшая интенсивность влияния римского права на право ВКЛ как напрямую, так и через польско-немецкое посредничество, достигается в XVI в.

Южнославянский путь рецепции римского права через византийские источники права и светско-церковные книги характерен только для правовых систем византийской ойкумены, т. е. стран круга «Византийского Содружества Наций» – православных государств Восточной Европы³, цивилизационно-культурный процесс в которых был обусловлен связью с Византией, ее культурой, религией и правом. Этот путь рецепции римского права начинается в этих странах с IX–X вв. и совпадает с началом их культурно-исторического развития и принятия ими христианства.

Несмотря на то, что с середины XIII в. на белорусских землях начинается формироваться новое государство – ВКЛ, в котором, в отличие от княжеств домонгольской Руси (Полоцке, Туровское и др.), власть принадлежит неправославным правителям, тем не менее, древнерусское законодательство, которое испытало на себе влияние византийского права, продолжает действовать на территории ВКЛ. Прежде всего, конечно, это нормы, связанные с церковной юрисдикцией, но не только.

Известно, что в конце XIII в. в Туровской земле переписываются источники общерусского права, в том числе древний Устав Владимира с указанием на действие

³ «К 1000 г. сложилось сообщество государств и народов, простиравшееся от Финского залива до Южного Пелопоннеса и от Адриатического моря до Кавказа. Все они в той или иной степени были связаны узами верности с Византийской Церковью и императором. К тому же к этому моменту восточноевропейское сообщество достигло невиданного до того времени культурного и политического единства» [10, с. 218].

византийского Номоканона: «И потом тот же митрополит Михаил всеа Русии и еще сказа ми о седми соборах вселенских, и о номоканоне греческом о правилех, и о повелении святых отец, которые суды предаша церквам и святителем и како величии тии цари послушаша заповеди их не восхотеша судити судов церковных, ни велможам, ни боляром своим ни повелеша судити тых судов, но даша церкви и святителем» (статья 7) [13, с. 54–56]. Также в Уставе Владимира Туровской редакции подтверждается и древнейшая норма о действии Номоканона по субъектам права: «А се люди церковнии: игумени, попове, дияконе, причетницы и вес[ь] клирос, чернцы и черницы, проскурницы и прощеницы и задушный человек. Монастыреве, болницы, посницы, странноприемницы и прикладницы. То люди церковныя Богу преданы и митрополиту и епископом ведати межи ими суд или обида которая. А [о] иных тяжбах кроме церьковных судов иже будет иному человеку, особному человеку, с ними: тяжба ли о злате, или о серебре, или о татбах, то судити вместе митрополичу тивуну, или владычню, или княжу. Иже будет церьковный человек прав – помочно ес[ть] на нем митрополичью тивуну или владычню, а княжю тивуну на княжем человеце» [Там же].

В «Туровский комплекс» включены и эксцерпты из Русской Правды. В частности, туровские книжники в конце XIII в. закрепляют норму об отмене смертной казни за убийство («и отложиша убиение не мьстити за голову, но кунами с[я] выкупати»). Также в уставах содержится бланкетная норма о применении законодательства Ярослава: «а иное все яко ж[е] Ярослав судил, такожде и сынове его уставиша суды тии» [3, с. 56], что указывает на вполне естественное восприятие права Древней Руси времен Владимира и Ярослава в правовой системе ВКЛ.

В. И. Ермолович в своих работах обосновал, что византийская Эклога сохраняется в качестве источника права в славянских списках Кормчей святого Саввы, в частности, в Киевском и Рязанском списках [5, с. 8]. Эта Кормчая долгое время действовала на территории ВКЛ, правда, с тенденцией постепенного ограничения ее юрисдикции вплоть до XVI в. под влиянием канонических книг Римско-католической церкви. Факт применения Кормчей книги на белорусских землях, по мнению ученого, доказывается через Туровский и Пинский списки Кормчей [6, с. 53]. Сам В. И. Ермолович установил белорусские – Жировичский и Пинский списки Кормчей, которые также восходят к Иловичскому списку⁴.

Следует иметь в виду, что Кормчую книгу не следует рассматривать только как источник церковно-канонических норм. Являясь аналогом византийского Номоканона, в Кормчую включались и нормы общегражданских источников византийского права, связанные с правоотношениями морали, социальных ценностей, культуры, семьи, воспитания, благотворительности, собственности, ответственности, наступающей в связи с посягательством на объекты в этих сферах и т. д. Все эти области сегодня находятся в юрисдикции государственно-правового регулирования, и при анализе средневекового права, недопустимо нерелексивно переносить в ту эпоху наше современное представление о соотношении светское/церковное. Является ошибкой представление государственного (официального) права как монопольных институтов правового регулирования, занимающих все поле юрисдикции. Не следует забывать, что ВКЛ, равно как и княжества Северо-Восточной Руси были религиозными государствами (как и их правовые системы), а общество и общественное сознание были также религиозными.

⁴ Необходимо отметить, что в составлении Номоканона в Иловице, как отмечают исследователи, одним из двух писцов был новгородец, поскольку в самой Кормчей присутствует множество юридических русизмов, что является редчайшим примером работы древнерусского юриста-переводчика за пределами Руси и всей восточнославянской территории [14, с. 49–54.]. Одновременно это указывает и на то, что языковая и смысловая работа новгородских книжников по подготовке Иловичского списка Номоканона без всяких затруднений распространялась и воспринималась и на землях ВКЛ.

На применение Кормчей книги на землях ВКЛ на рубеже XV–XVI вв. указывают и иные факты. Так, например, в 1499 г. великий князь Александр издал Привилей, который неоднократно в дальнейшем подтверждался, согласно которому духовенство выводилось из юрисдикции светского суда. Духовенство и население церковной юрисдикции должны были судиться на основании Устава («Свитка права») князя Ярослава [15, с. 226].

Помимо норм Кормчей и древнерусских великокняжеских Уставов, семейные правоотношения регулировались составленными под влиянием византийского канонического права требниками и служебниками христианской церкви, утвержденными для православного духовенства. Г. В. Дербина отмечает, что в этих книгах «змяшчаліся правілы заручын і вянчання, аднаўлення шлюбу, а таксама павучанне маладым» [4, с. 94]. В общегосударственном источнике права ВКЛ нормы-принципы брачного права были установлены только в конце XVI в. – в статьях 20, 22 р. V Статута ВКЛ 1588 г. До этого момента в ВКЛ нормы брачно-семейного права определялись церковной юрисдикцией (Православной, а затем и Римско-католической церквями).

Польский исследователь Ф. Боссовский отмечал, что статья 13 р. IV Статута ВКЛ 1529 г. («Хто бы отца або матку вдарил, чим маець каран быти», – в статье речь идет о лишении наследства недостойного сына) представляет собой заимствование известнейшего института римского частного права, кодифицированного в VI в. в 115 Новелле Юстиниана. Ученый установил факт рецепции этой новеллы из византийских Эклоги и Прохирона, находившихся в древнерусском праве в Кормчей книге [18]. Отражение данной нормы в Статуте ВКЛ произошло или под влиянием понимания разработчиками необходимости сохранения древнерусской правовой традиции, т. е. той самой «старины», либо под влиянием православного духовенства и феодалов ВКЛ, причастных к формулированию тех или иных положений Статута.

Эту же позицию подтверждает и современный польский исследователь С. Годек, указывая на лежащую в основе наследственной нормы Статута ВКЛ византийскую юридическую конструкцию «арокегізіс» [19]. Схожие идеи о рецепции в Статуте 1529 г. византийско-канонического права развивал и К. Кораный [20]. Ю. Бардах также был согласен с позицией Ф. Боссовского о русско-византийских, а не о западных истоках рецепции данной нормы права в Статуте ВКЛ 1529 г. [17, S. 756]. Необходимо отметить, что рецепированное положение 115 Новеллы Юстиниана содержалось также и в Уставе («Скрутке») Ярослава, поэтому нельзя исключать и его рецепцию в Статут ВКЛ из этого древнерусского источника права.

В. И. Ермолович усматривает связь положений, сформулированных И. А. Юхо в его работе «Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке» [16, с. 107] о брачном возрасте в рамках церковной юрисдикции, с изменениями норм о брачном возрасте в Статуте ВКЛ 1588 г. Ученый полагает, что понижение брачного возраста для девушек с 15 лет по Статуту ВКЛ 1566 г. до 13 лет по Статуту ВКЛ 1588 г. связано с влиянием норм Эклоги [7, с. 66]. Кроме того, нормы «Эклоги» повлияли на формирование категорий правоспособности и дееспособности в праве ВКЛ. Нельзя не отметить в связи с этим, что впервые византийские брачно-семейные нормы о возрасте вступающих в брак (правосубъектность) попали на Русь посредством новелл византийского императора Алексея Комнина. Эти новеллы вошли в состав Кормчей книги и распространялись и в других древнерусских компиляциях, например, в Мериле Праведном.

Большое внимание процессам рецепции византийского права в право ВКЛ придается в работах уже упоминавшейся Н. В. Слиж. Пожалуй, среди современных отечественных историков права ВКЛ она первая, не считая монографии Г. В. Дербиной и отдельных работ В. И. Ермоловича, обстоятельно рассмотрела влияние византийского частного права на право ВКЛ. До этих работ периода конца 2000-х гг. в отечественной

историко-правовой литературе было общепринятым излагать эволюцию права ВКЛ от правового обычая к привилейному и статутному праву ВКЛ, не акцентируя внимание на раннем периоде рецепции и действия древнерусского и византийского рецепированного права.

Характеризуя источники брачно-семейного права ВКЛ, Н. В. Слиж отмечает: «На нашу думку, асновы звычайнага права былі закладзены не толькі Рускай Праўдай, але і іншымі зводамі заканадаўства. Толькі ў адной працы [это упомянутая выше работа Ф. Боссовского 1935 г. – В. П.] была звернута ўвага, што з прыняццем хрысціянства на нашы землі патрапілі Кормчыя, у склад якіх уваходзіла не толькі кананічнае права, але, і цывільнае – у навелах Юстыніяна, Законе градскім, Законе судным людзям. Ігнацій Даніловіч лічыў, што немагчыма прасачыць непасрэдна ўплыў візантыйскага права на права ВКЛ. Але пры гэтым адзначаў, што праваслаўнае духавенства прытрымлівалася Намаканона, аб чым сведчылі прывілеі царкве 1503 і 1507 гг. Даследчык адносіў перыяд паміж першым і трэцім Статутамі да перыяду актыўнага пераймання рымскага права» [12, с. 249].

В связи с этим высказыванием следует подчеркнуть, что И. Н. Данилович, работая на историческом материале п. п. XIX столетия, не дифференцировал различные пути рецепции права Восточно-Римской империи в законодательство ВКЛ, имея ввиду, скорее всего, только западный путь рецепции, т. е. насыщение доктриной римского права норм Статута ВКЛ 1566 г. под влиянием польских докторов права, обучавшихся в европейских университетах (прежде всего, А. Ротундуса).

Например, из славянской Эклоги в правоприменительную практику ВКЛ вошли такие институты брачно-семейного права, как предбрачное соглашение, выделение приданного, возвращение приданного в родительский дом бездетной жены, брачный возраст и др. В правоприменительной практике ВКЛ эти институты, будучи нормами рецепированного византийского права, до их включения в статьи Статутов ВКЛ воспринимались как «звычайнае права» (кроме предбрачного договора, который продолжал применяться в форме правового обычая) [12, с. 251]. Под «даўніной» в ВКЛ понималась и рецепированная византийская норма Эклоги, а также Прохирина (Закона градского) об обручении несовершеннолетних лиц, которая продолжала действовать в ВКЛ вплоть до XVI в. Кроме вышеперечисленных, в обычное право ВКЛ из византийского были рецепированы и другие нормы брачно-семейного права, а именно определяющие: 1) выдачу приданного («пасага») в движимом имуществе; 2) запись вена в недвижимости; 3) срок подачи жалобы для вдовы и др. Рецепция норм византийского права в ВКЛ посредством древних общерусских источников права «...адбывалася не толькі на ўзроўні асобных артыкулаў, але і ідэй, якія інтэрпрэтаваліся апрацоўваліся мясцовымі традыцыямі» [12, с. 252–253].

Из византийского права посредством Кормчей книги в право ВКЛ была заимствована и норма о т. н. «триморіі» – положение о том, что при расторжении брака по вине мужа жена получала 1/3 брачных подарков. Относительно института триморіи Н. В. Слиж приводит весомый контраргумент против позиции Ю. Бардаха, утверждавшего, что рецепция этой нормы римского права в Статут ВКЛ имела западноевропейское происхождение. Позиция белорусского историка основывается на том факте, что институт триморіи отсутствовал в праве Польши – стране, которая для ВКЛ была транзитной в части западного пути рецепции римского права. Поскольку Кормчие книги, а, следовательно, южнославянская рецепция византийского права имела место на древнерусских землях достаточно рано – уже в XI–XIII вв., то институт «триморіі» использовался позднее и в праве ВКЛ с общепринятой для практики княжества ссылкой на «обычное право».

Аналогичная ситуация касалась и «фальцидиевой доли» – знаменитого римского закона Фальцидия («lex Falcidia», 40-й г. до н. э.), вошедшего в VI в. в Свод Юстиниана (Inst. 2. 22; D. 35. 2; CJ. 6. 50). По этому закону 1/4 доли приданного из собственности

отца оставалась наследнику, назначенному в завещании, независимо от обременения наследства легатами и фидеюкомиссами (D. 35. 2. 15). Данная норма права, равно как и институт тримории, была рецепирована в право ВКЛ не из польских источников права, а из славянской Эклоги.

В право ВКЛ из византийского законодательства была рецепирована также норма о праве на межсословный брак с сохранением правового статуса мужчины и распространением данного статуса на членов семьи из низшего сословия, в отличие от аналогичной возможности у женщин. Эта правовая норма, содержащаяся в статье 11 р. V и статье 16 р. III Статута 1566 г., и сохранившаяся в статье 12 р. V и, соответственно, статье 20 р. III Статута 1588 г., была рецепирована в законодательство ВКЛ из Кормчей книги, точнее из древнерусской юридической компиляции «Книги Законные» [9, с. 68–69, 84].

Н. И. Болоховский отмечает, что само определение брака, содержащееся в законодательстве ВКЛ, было также рецепировано из византийских источников права XI–XIII вв. посредством древнего общерусского права. В частности, уже Номоканон в XIV титулах патриарха Фотия IX в., который составил на Руси Кормчую книгу, содержал это понятие брака. В свою очередь византийские юристы включили в Номоканон эту дефиницию из работы известного римского юриста греческого происхождения Модестина (III в.). В Дигестах понятие брака Модестина определяется в качестве «союза мужчины и женщины, общности всей жизни, соучастия в божеском и человеческом праве (D. 23. 2. 1)» [2, с. 313]. В этой связи нельзя не согласиться с мыслью автора о том, что «историческая принадлежность земель современной Беларуси к Pax Orthodoxa способствовала тому, что римско-византийское право (*jus romanus-bizantinus*) оказало существенное влияние на локальную правовую систему, обогатив ее и приобщив наш народ к семье христианских европейских народов» [2, с. 321].

Не только регулятивные нормы частного права, но и множество различных уголовно-правовых запретов, связанных с брачно-семейными отношениями, в законодательстве ВКЛ были восприняты из рецепированного на Руси византийского права. В частности, в Статуте ВКЛ 1588 г. криминализация деяний, связанных с аморальным поведением, «той злости, абы ся в панъствахъ нашихъ христианьскихъ не множила» (статья 30 р. XIV Статута 1588 г.), была обусловлена прямой рецепцией православных канонических запретов и прещений [см. : 10]. Статья 30 р. XIV Статута 1588 г., например, определяла, что за супружескую измену «обое горлом карани быти мають». Эта уголовно-правовая норма соответствует нормам, изложенным в Книгах Законных [9, с. 68–69, 72–73, 75]. Можно приводить и другие нормы Статутов ВКЛ, заимствованные из рецепированного византийского или древнего общерусского права.

Таким образом, как показано на примере ряда рецепированных в право ВКЛ византийских правовых норм и институтов, нет сомнений во влиянии как византийского, так и общего древнерусского права, на правовую систему ВКЛ. В связи с этим есть основания говорить о том, что право ВКЛ испытало влияние римского права посредством двух хронологически последовательных путей рецепции: 1) византийского, связанного с проникновением норм Кормчей книги, Русской Правды и других источников рецепированного византийского и общего древнерусского права как в правовую практику княжества, так и в Статут ВКЛ (прежде всего, первый Статут

⁵ «Какой бы римский гражданин ни стал делать завещание после внесения этого закона, насколько (в денежном выражении) бы ни захотел он по публичному праву предоставить вещь в собственность или иное имущественное благо по легату любому римскому гражданину, пусть будет ему в этом право и возможность, лишь бы легат был дан таким образом, чтобы наследники получали по этому завещанию не менее четвертой части наследства, следовательно, тем, кому что-либо будет дано или предоставлено по легату, пусть будет позволено без ущерба для себя получить эти деньги, и тот наследник, который будет обязан по завещанию выплатить эти деньги, пусть будет должен выплатить те деньги, которые обязан (выплатить) по завещанию» (D. 35. 2. 1).

1529 г.); 2) западного (итальянского), связанного с развитием правовой доктрины польскими профессорами и представителями римско-католической традиции, а также и учеными ВКЛ, которые прошли обучение в европейских университетах и участвовали в разработке второго Статута 1566 г. К влиянию западных правовых институтов, отчасти также связанных с элементами римского права, следует отнести и широко известные заимствования немецкого (магдебургского) права. Впрочем, средневековое немецкое право в Европе (в частности, Саксонское Зерцало) достаточно долгое время находилось в конфронтации с римским правом, поэтому его отнесение к рецепции римского права в право ВКЛ спорно, что не отменяет в целом западного (немецкого) характера такого правового влияния. По крайней мере, этот вопрос требует своего дальнейшего изучения.

Библиографические ссылки

1. Азаревич, Д. И. История византийского права: Том 1. Часть 2. Ярославль, 1877. 176 с.
2. Болоховский, Н. И. Рецепция определения брака римского юриста Модестина каноническим правом Православной церкви // *Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць на ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо / рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і [інш.].* Мінск: Бізнесофсет, 2012. С. 312–322.
3. Выпись из Пространной редакции Русской Правды // Шапов Я. Н. Туровские уставы о десятине // Он же. Очерки русской истории, источниковедения, археографии / Я. Н. Шапов; Отделение историко-филологических наук. – М. : Наука, 2004. С. 56.
4. Дзёрбіна, Г. В. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Галіна Дзёрбіна. Мінск : Тэхналогія, 1997. 174 с.
5. Ермолович, В. И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран // *Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.].* Минск : БГУ, 2009. Вып. 20. С. 127–149.
6. Ермолович, В. И. Рецепция норм римского частного права как один из источников развития права Беларуси: история и современность // *Юстиция Беларуси.* 2012. №4. С. 53–57.
7. Ермолович, В. И. Рецепция норм восточно-римского права в правовую систему средневековой Сербии и славянских стран // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета.* 2019. Том 6. №1. С. 65–76.
8. Законоправило или Номоканон Светого Саве. Иловички препис 1262 година. 800 л. // *Archiv Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti v Zagrebe.* F. 3. Op. 1.
9. «Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные / изд. вместе с греч. подлинниками и с ист. -юрид. введ. А. Павлов. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 92 с.
10. Малиновский, И. А. Учение о преступлении по Литовскому статуту / И. Малиновский. Киев : тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1894. 172 с.
11. Оболенский, Д. Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М. : Янус-К, 1998. 655 с.
12. Сліж, Н. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты ў звычайным праве і заканадаўчых актах ВКЛ / Н. Сліж // *Соціум.* 2013. Вып. 10. С. 246–288.
13. Устав князя Владимира Туровской редакции по Печерскому списку XVII века // Шапов Я. Н. Туровские уставы о десятине // Он же. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. Отделение историко-филологических наук. М. : Наука, 2004. С. 54–56.
14. Церний, Л. Нека запажања о писарима Иловичке крмчије // *Археографски прилози.* Београд. 1981. Књ. 3. С. 49–54.
15. Шапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М. : Наука, 1972. 338 с.
16. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке. Минск: изд-во БГУ, 1978. 144 с.
17. Bardach, J. Statuty Wielkiego Księstwa Litewskiego – pomniki prawa doby odrodzenia // *Kwartalnik Historyczny.* 1974. R. 81, z. 2. S. 750–780.

18. Bossowski, F. Nowela Justyniana 115 – Statut Litewski I R. IV Art. 13 (14), Statut Litewski II i III R. VIII. Art. 7. T. X. cz. 1 Art. 167 // Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego Statutu Litewskiego, red. S. Ehrenkreutz, Wilno 1935. S. 107–121.

19. Godek, S. Pierwiastki romanistyczne w prawie spadkowym I Statutu Litewskiego // Zeszyty Prawnicze, 2003, 3/2. S. 294–295.

20. Koranyi, K. O niektórych postanowieniach karnych Statutu litewskiego z r. 1529 (Studium prawno-porównawcze) [w:] Księga . . . pierwszego Statutu. S. 123–157.

ПРАВОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО СТАТУТНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

С. Н. Шабуневич

*доцент кафедры социально-гуманитарных наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск,
Республика Беларусь,
snshabunevich@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме, имеющей теоретико-практическую значимость для разработки вопросов правового ограничения деятельности должностных лиц государственных органов ВКЛ. На основе анализа статутного законодательства ВКЛ выявлена его роль в эволюции правового регулирования исследуемого института в национальном законодательстве.

Ключевые слова: правовая система; статутное законодательство; должностные лица; единство права; правовая мысль.

LEGAL RESTRICTIONS ON THE ACTIVITIES OF OFFICIALS OF STATE BODIES UNDER STATUTORY LEGISLATION OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

S. N. Shabunevich

*Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 17, Moscovskaya Str., 220007, Minsk,
Republic of Belarus,
snshabunevich@yandex.ru*

The article is devoted to the problem of theoretical and practical significance for the development of the problem of legal restrictions on the activities of officials of state bodies of the Grand Duchy of Lithuania. Based on the analysis of the statutory legislation of the GDL, its role in the evolution of the legal regulation of the institution under study in the national legislation is revealed.

Keywords: Legal system; statutory legislation; officials; unity of law; legal thought.

В XVI веке в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) существовала эффективно созданная система правовых актов, чему способствовали проведенные в середине XVI века реформы государственного строя, важнейшей из которых стала реформа в административной сфере, позволившая организовать правовые отношения в государстве на основе передовых для того времени идей. Свое влияние на реформирование права ВКЛ оказала и идеология эпохи реформации (на территории Беларуси протестантизма), сторонники которой способствовали проникновению в правовую теорию идеалов индивидуальной свободы и утверждению неотъемлемости естественных прав человека. Результатом систематизации и кодификации законодательства ВКЛ в XVI веке стали общегосударственные своды законов – Статуты